

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ В РОМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

И. Д. Котляров

Санкт-Петербургский государственный инженерно-экономический университет

Предлагаемая статья является первым в российской лингвистической литературе обзором фонетических законов, действовавших в романских языках. Она вводит в научный оборот малоизвестные законы романского языкознания и отклоняет те из них, которые не прошли проверку временем.

Изучение законов языкознания, носящих имя открывших их исследователей, представляет интерес не только с точки зрения истории науки, но и как основа для выявления универсалий и фреквенталий развития языков. Именно по этой причине в 1985 году был издан каталог законов в индоевропейских языках, подготовленный Коллинджером [17] (этот же автор издал в 1995 г. дополнение к своему каталогу [16]). В России и СССР подобных публикаций не было — за исключением «Лингвистического энциклопедического словаря» [7], в котором была систематизирована информация о некотором количестве «именных» лингвистических законов.

Данная статья имеет целью восполнить пробел в области сводных публикаций по законам языкознания в России. Однако в силу ограниченности объема журнальной статьи и с учетом того факта, что особенно заметен этот пробел в части романского языкознания, законы которого, в отличие от законов других областей индоевропеистики, зачастую известны только романистам, мы сосредоточимся на фонетических законах в романских языках. Также в силу ограниченности объема публикации в ней анализируются только фонетические законы, за пределами рассмотрения остается синтаксический закон Тоблера—Муссафии, представляющий собой, по сути дела, романскую параллель индоевропейского закона Вакернагеля — тем, кто интересуется этими законами, можно порекомендовать прекрасные работы [6, 18].

Рассматриваемые законы систематизированы в алфавитном порядке фамилий их первооткрывателей. Мы взяли на себя смелость описать не только общепризнанные законы, но также и те фонетические закономерности, которые, хотя и несомненно важны, тем не менее пока не получили должного признания; этим фонетическим закономерностям мы позволили себе присвоить имя исследователей, впервые описавших их. Кроме того, рассмотрены

также романские параллели фонетических законов, действовавших в других индоевропейских языках.

1. ЗАКОН БАРЧА

Открыт немецким филологом Карлом Барчем (*Karl Bartsch*, 1832—1888). Известен также под названием «эффект Барча». К сожалению, нам не удалось установить, в какой именно работе этот закон был впервые опубликован — можно только предполагать, что это имело место в *Chrestomathie de l'ancien français* (1866). В российской литературе по исторической фонетике французского языка ссылки на эту закономерность отсутствуют.

Этот закон гласит, что латинский ударный *a* в открытом слоге дает в старофранцузском дифтонг *ie* (первоначально — нисходящий, впоследствии — восходящий [11]), если ему предшествует палатализованный согласный (прежде всего — *k, g*): *MANDUCARE* > *mangier*. Эта дифтонгизация объясняется через воздействие предшествующего палатализованного согласного (во всех остальных позициях латинский ударный *a* в открытом слоге в старофранцузском регулярно дает *e*).

Изначально этот закон был сформулирован для старофранцузского языка, однако он применим также и для франкопровансальского языка, поскольку в нем наблюдается сходный феномен палатализации ударного *a* в открытом слоге после палатального согласного — по говорам наблюдаются рефлексы [*je*], [*i*], [*ja*], [*ij*], в остальных позициях латинский ударный *a* в открытом слоге во франкопровансальском дает *a* [3]. В работе [3] не совсем корректно указано, что эта палатализация *a* после палатальных в открытом ударном слоге противопоставляет франкопровансальский французскому и окситанскому. Действительно, в окситанском языке этот феномен отсутствует, однако в старофранцузском действовало совершенно аналогичное правило — закон Барча (в современном французском языке дифтонг *ie* после палатальных стянулось в *e*, что привело к сходству рефлексов латинского ударного *a* в открытом слоге после любых со-

гласных), и, скорее, следовало бы сказать, что в этом аспекте франкопровансальский соответствует более древнему состоянию французского языка — старофранцузскому (что любопытно, один из авторов работы [3] в своей более ранней работе [2] последовательно проводит тезис о сохранении во франкопровансальском архаичных французских форм) — вместе с которым они противопоставляются окситанскому. К сожалению, отсутствие упоминаний о законе Барча в российской литературе по романскому языкознанию привело к этой досадной неточности в авторитетной серии «Языки мира». Более того, упоминание о законе Барча позволило бы наглядно показать промежуточное положение франкопровансальского языка между французским и окситанским, поскольку во франкопровансальском ударный **а** в открытом слоге после палатальных палатализуется, как в старофранцузском, но после остальных согласных остается неизменным, как в окситанском.

Подводя итог, закон Барча можно сформулировать следующим образом: латинский ударный в открытом слоге после палатальных согласных в старофранцузском и франкопровансальском языках палатализуется, давая рефлекс в виде дифтонга *ie* (первоначально — нисходящего, впоследствии — восходящего) и [*je*], [*i*], [*ja*], [*i*] соответственно.

2. ЗАКОН БУРСЬЕ

Название для этого закона предложено нами. Он сформулирован французским лингвистом Эдуардом Бурсье (*Edouard Bourciez*, 1854—1946) в его работе *Précis historique de phonétique française* [14]. Пятое издание этой книги вышло в 1921 г., к сожалению, дату ее первоначальной публикации установить не удалось, но, судя по всему, закон был предложен автором задолго до 1921 г.

Этот закон описывает дистрибуцию различных рефлексов латинского **k + a** в интервокальной позиции в во французском языке: *CLERICATU* > *clergé*, *CARRICARE* > *charger* (звонкий рефлекс *ʒ*, исторически — *ʒ*), но *MANICA* > *manche*, *EXCORTICARE* > *écorcher* (глухой рефлекс *ʃ*, исторически — *tʃ*). Поскольку озвончение смычных в народной латыни имело место только в интервокальной позиции, при этом безударные гласные имели тенденцию к выпадению, понимание сути дистрибуции звонких и глухих рефлексов латинского интервокального **k + a** напрямую связано с пониманием развития окружавших его гласных. Бурсье сформулировал следующий закон [14]:

латинский интервокальный **k** озвончается, если следующий за ним **a** находится под ударением (*CLERICATU* [kleri'katu], *CARRICARE* [karri'kare]). Это объясняется тем, что в этом случае безударный гласный перед **k** сохраняется дольше — вплоть до озвончения *k > g*. В остальных случаях предшествующий безударный гласный выпадает достаточно рано, еще до начала процесса озвончения интервокальных глухих смычных (*MANICA* ['manika]). Отклонения от этого закона Бурсье объясняет процессом аналогического выравнивания по одной из глагольных форм (как в случае с *EXCORTICARE* [ekskorti'kare] > *écorcher*). Интервокальный **k + a** в старофранцузском мог также исчезать полностью или оставлять рефлекс в виде *j*, но Бурсье рассматривает эти случаи отдельно, не пытаясь выявить общие закономерности, поэтому сейчас мы на этом аспекте останавливаться не будем. В двусложных и трехсложных словах интервокальный **k + a** либо исчезал полностью (после *o*, *u*), либо оставлял рефлекс в виде *j* (после *a*, *e*, *i*).

Интересно отметить, что в выходивших в СССР пособиях по истории французского языка отмечался факт наличия звонких и глухих рефлексов латинского **k + a** в старофранцузском [5, 13], но не давалось никаких объяснений этого распределения [13], или же ситуация описывалась как неясная [5].

Несмотря на то, что закон Бурсье рассматривается в западной литературе как полное объяснение распределения глухих и звонких рефлексов **k** [15], нужно отметить, что он вызывает некоторые сомнения. Прежде всего, сам Бурсье признает, что сформулированное им правило не дает объяснения для слов *forge* < *FABRICA*, *serge* < *SERICA* и *baillarge* < *BALEARICA* (где было бы закономерно ожидать глухой, а не звонкий рефлекс). Далее, объяснение наличия разных рефлексов в глаголах на —*care* через аналогическое выравнивание представляется не вполне обоснованным, так как требует предположения о том, что у разных глаголов выравнивание происходило по разным формам, что излишне усложняет теорию

При этом, если сопоставить данные французского языка с данными прежде всего — с верхне- и нижнеэнгадинского языков, то можно убедиться, что распределение глухих и звонких рефлексов можно описать более простым способом. Данные приведены в табл. — этимология дана по [19], кроме *dimanche*, где этимология приведена по [14], латинские этимоны распределены по звонким и глухим рефлексам интервокального **k + a** во французском языке, старофранцузские слова, не сохра-

нившиеся в современном французском языке, выделены курсивом и подчеркиванием. В ретороманских языках Швейцарии *ch* означает глухую аффрикату, *g* перед *e*, *i* — звонкую:

К сожалению, табл. неполна по той причине, что не для всех латинских корней удалось найти этимологические параллели в остальных проанализированных языках. Тем не менее, собранный материал достаточен для того, чтобы сделать определенные выводы, а именно — что в энгадинском языке выполняется следующее правило: если латинскому *k + a* предшествует безударный и впоследствии выпавший гласный, которому предшествует звонкий согласный или сочетание звонких согласных, то *k + a* дает звонкий рефлекс, а в остальных случаях — глухой (или, в соответствии с приведенным выше тезисом об озвончении глухих смычных в интервокальной позиции, безударный гласный перед группой *k + a* сохранялся дольше, вплоть до озвончения *k*, если ему предшествовал

звонкий согласный или сочетание звонких согласных). К звонким согласным мы также относим носовые и плавные.

К сожалению, из-за объема журнальной статьи мы не можем привести данные других ретороманских языков, но укажем, что эта же закономерность справедлива для языков сельвской подгруппы. В ладинском и фриульском интервокальное *k + a* регулярно ленируется до нуля или *j* во всех позициях, что может служить дополнительным основанием для их отнесения к итало-романской группе (где столь же всеобщая лениция — но остановившаяся на стадии *g* — охватывает диалекты Северной Италии). В других западно-романских языках (включая окситанский и, видимо, франкопровансальский, хотя данные по нему не позволяют дать однозначный ответ, и остается вероятность того, что в нем наблюдается та же самая закономерность, что и в энгадинских языках) озвончение интервокального *k + a* также имеет место во всех позициях без исключения.

Таблица

Латинский	Французский	Верхнеэнгад.	Нижнеэнгад.
Manducare	<i>k + a > dʒ</i> Manger		
Vindicare	Venger		
Pedicare	Pencher (Pengier)		
Caricare	Charger	Charger	Chargiar
Fabricare	Forger	Faverger	Favergiar
Berbicariu	Berger		
Vindicare	Venger		
Bullicare	Bouger		
Filicaria	Fougère		
Delicatu	Delgié		
*Nivicare	Neiger		
*Feticare	Figer		
Assedicare	Assiéger		
Pedica	Piège		
*Mentionica	Mensonge		
Judicare	Juger		
Coacticare	<i>k + a > tʃ</i> Cacher		
Predicare	Prêcher	Predger	Predgiar
Masticare	Mâcher	Mas-cher	Mas-char
Caballicare	Chevaucher	Chavalger	Chavalgjar
Fasticare	Fâcher		
Exradicare	Arracher		
Collocare	Coucher		
Excorticare	Ecorcher	Scorcher	Scorchar
Manica	Manche	Mangia	Mongia
Pertica	Perche	Percha	
(Die)-Dominica	Dimanche	Dumengia	Dumengia

Во французском языке это правило действовало с определенными ограничениями — $k + a$ в интервокальной позиции озвончался в следующих случаях:

— если ему предшествовало сочетание сонанта и звонкого взрывного или одиночный или геминированный плавный, за которым следовал безударный гласный, впоследствии выпавший (в табл. — примеры от *manducare* до *delicatu*; под сонантами имеются в виду *m, n, r, l*);

— если предшествующей ему согласной, в свою очередь, на стадии перехода от народной латыни к старофранцузскому языку предшествует дифтонг с неслоговым элементом *i* (в табл. к примерам этой закономерности можно с разной степенью уверенности отнести слова от **nivicare* до **mentionica*).

Как можно видеть, при движении от энгадинского к французскому ареалам, действие выявленной закономерности (звонкие рефлексy после звонких согласных, глухие — после глухих) начинает ограничиваться дополнительными условиями, ослабевать (в валлонском диалекте часто наблюдаются глухие рефлексy даже после сочетания звонких согласных). Отсюда можно сделать вывод, что французские слова, не соответствующие выявленным выше правилам, представляют собой заимствования из других диалектных ареалов (в случае глухого рефлекса вместо ожидавшего звонкого — из северо-западных, в случае звонкого рефлекса вместо ожидавшегося глухого — из восточных и юго-восточных).

Слово *juger* < JUDICARE может быть объяснено через уподобление рефлекса *k* начальному звуку. Нерегулярное развитие *CABALLICARE* и *COLLOCARE* может быть связано с ранним, произошедшим еще в позднеримскую эпоху выпадением безударного гласного перед $k + a$.

Как можно видеть, предложенные правила объясняют разные рефлексy k в глаголах на *-care* без обращения к аналогии, а также слова *forge* < *FABRICA*, *serge* < *SERICA* и *baillarge* < *BALEARICA* (наличие звонких рефлексов в которых в данном случае является полностью закономерным).

Следует обратить внимание на тот факт, что вторая часть предложенного правила для старофранцузского довольно громоздка. Если вспомнить, что изначально дифтонги в старофранцузском были нисходящими [11], первую и вторую часть правила можно объединить следующим образом: безударная гласная перед $k + a$ в старофранцузском выпадала позже (уже после озвончения $k + a$), если ей предшествовало сочетание сонанта (или глайда)

и звонкого смычного, или *r* или *l* (простой или геминированный) или сочетание глайда со звонким согласным. Звонкий согласный мог быть вторичным (как в *figer* < **FETICARE*, где интервокальный $t > d$). *Neiger* < **NIVICARE* может быть объяснено через контаминацию со старофранцузским *neif*, где наблюдается требуемый глайд. **MENTIONICA* > *mensonge* может быть в таком случае заимствованием из восточной части галло-романского ареала (или даже из окситанского).

$K + a$ в интервокальной позиции в старофранцузском исчезал в двусложных и трехсложных парокситонах — либо полностью (после *o, u*), либо оставляя после себя рефлекс *j* (после *a, I, e*) [14].

Вышеизложенные замечания являются, на наш взгляд, достаточным основанием для отклонения закона Бурсье, и для выдвигания следующего закона: в северном периферийном ареале Западной Романии, в отличие от остальных западно-романских областей, озвончение $k + a$ имело место только в том случае, если ему предшествовал безударный и впоследствии выпавший гласный, которому предшествовал звонкий согласный или сочетание звонких согласных; в остальных случаях предшествующий безударный гласный выпадал до начала процесса озвончения. Этот закон с разными ограничениями применим для большей части ретороманских языков и северной части галло-романского ареала и является важной изоглоссой.

Механизм действия этого закона можно попытаться объяснить, исходя из типологических соображений: гласными, предшествовавшими *-care* в латинских глаголах, как правило, были *i* и *u*, которые в языках мира часто подвергаются редукции вплоть до полного исчезновения [9]. В тех случаях, когда данный закон предсказывает наличие глухого рефлекса $k + a$, безударная гласная в латинском слове находится между двумя глухими согласными, что способствует ее более ранней (до озвончения интервокальных согласных), чем это было бы в случае ее положения после звонкой согласной, редукции (усиление тенденции к редукции безударных *i* и *u* между глухими согласными подтверждается типологическими параллелями [10]) с последующим выпадением.

3. ЗАКОН ДАРМСТЕТЕРА

Предложен французским лингвистом Арсеном Дармстетером (*Arsène Darmesteter*, 1846—1888). Опубликован в посмертно изданной исторической грамматике французского языка *Cours de grammaire historique de la langue française, pt. 1* (1891). Со-

гласно этому закону [4], в четырехсложных латинских словах-парокситонах гласный предупредного и заударного слогов (кроме долгого и краткого *a*) подвергался редукции с последующей синкопой (апокопой): *MANDUCARE* [mandu'kare] > *manger*, *CIVITATE* [tsivi'tate] > *cité*. По сути дела, этот закон определил фонетический облик слов французского языка. С определенными ограничениями этот закон справедлив не только для французского, но и для прочих галло-романских, иберо-романских и рето-романских языков [1]. Тезис об особой сохранности конечного заударного краткого и долгого *a* справедлив для всех романских языков — этот гласный или его рефлексы сохранились во всех романских языках, в отличие от остальных гласных, как правило, имевших тенденцию к исчезновению.

С типологической точки зрения он представляет собой частный случай хорошо известной закономерности редукции и выпадения безударных гласных [9].

4. ЗАКОН ЛАХМАНА

Закон Лахмана, сформулированный немецким лингвистом Карлом Лахманом (*Karl Lachmann*, 1793—1851) в комментариях к поэме Тита Лукреция Кара «О природе вещей» *De rerum natura libros commentarius* (1851). Он описывает фонетическую закономерность (до сих пор не получившую единодушного признания среди лингвистов), характерную для латинского языка [8]: латинские глаголы, корни которых оканчиваются на звонкий смычный, удлиняют свой корневой гласный в причастиях на *-tus* — [ago:] > [a:ctus]. В качестве механизма действия этого закона было предложено компенсаторное удлинение гласной вследствие оглушения последующей согласной [agtus] > [a:ctus]. Однако это объяснение многие специалисты по экспериментальной фонетике считают неправдоподобным [8].

Сам по себе закон Лахмана неприменим ни к одному из романских языков, поскольку описывает отсутствующую в них форму (причастия на *-tus*). Тем не менее, во фриульском языке наблюдается типологически сходный процесс компенсаторного удлинения гласных при оглушении последующего согласного (это удлинение привело к восстановлению фонетической долготы гласных во фриульском): **ALLATUM* > **LATU* > *ladu* > *lad* > *lât* [20]. Эта закономерность может быть описана следующим образом: после отпадения конечной заударной гласной во фриульском языке по закону Дармстедтера (отпадали все гласные, кроме краткого и долгого *a*) предшествующий ей простой звонкий оглу-

шался, что приводило к компенсаторному удлинению ударной гласной; впоследствии эта долгота фонологизировалась.

Эта закономерность (которую можно назвать правилом Ванелли в честь итальянской исследовательницы Лауры Ванелли (*Laura Vanelli*), описавшей ее в своей работе *L'allungamento delle vocali in friulano*, 1979 [20]) может служить дополнительным типологическим аргументом в пользу того, что действие закона Лахмана действительно обусловлено компенсаторным удлинением гласной перед глухой (потерявшей звонкость) согласной.

5. ЗАКОН ТЕН-БРИНКА

Сформулирован немецким филологом голландского происхождения Бернхардом Эгидиусом Конрадом тен Бринком (*Bernhard Egidius Konrad ten Brink*, 1841—1892) в работе *Dauer und Klang. Ein Beitrag zur Geschichte der Vokalquantität im Altfranzösischen* (1879). Этот закон гласит, что латинские долгие гласные обычно сокращались в закрытых слогах, а латинские краткие удлинялись в ударных открытых слогах [12]. Наиболее ярко эта закономерность проявилась на территории Центральной и Северной Франции (включая юг Бельгии) и Северной и Центральной Италии. Результатом действия этого закона стало возникновение позиционного чередования долгих и кратких гласных в зависимости от того, был ли ударный слог открытым или закрытым. Поскольку же долгие варианты гласных имели тенденцию к дифтонгизации, то вследствие действия этого закона развилось качественное отличие между вокализмом открытых и закрытых ударных слогов во французском, рето-романских, итальянском и далматинском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алисова Т.Б., Чельшева И.И. Романские языки / Т. Б. Алисова, И. И. Чельшева // Языки мира. Романские языки. [Под ред. Чельшевой И. И., Нарумова Б. П., Романовой О. И.]. — М., 2001. — С. 15—55.
2. Загряжкина Т.Ю. Франкопровансальский vs. Старофранцузский / Т. Ю. Загряжкина // Формирование романских литературных языков: провансальский — окситанский. / Отв. ред. Б. П. Нарумов. — Москва, 1991. — С. 53—80.
3. Загряжкина Т.Ю., Чельшева И.И. Франкопровансальский язык / Т. Ю. Загряжкина, И. И. Чельшева // Языки мира. Романские языки. [Под ред. Чельшевой И. И., Нарумова Б. П., Романовой О. И.]. — М., 2001. — С. 304—321.
4. Калыгин В.П. Дармстедтера закон / В. П. Калыгин // Лингвистический энциклопедический словарь. [Под ред. Ярцевой В. Н.]. — М., 1990. — С. 127.

5. Катагощина Н.А., Гурычева М.С., Аллендорф К.А. История французского языка / Н. А. Катагощина и др. — М., 1976.
6. Красухин К.Г. Очерки по реконструкции индоевропейского синтаксиса / К. Г. Красухин. — М., 2005.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. [Под ред. Ярцевой В. Н.]. — М., 1990.
8. Откупщиков Ю.В. Из истории индоевропейского словообразования / Ю. В. Откупщиков. — М., 2005.
9. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике / Б. А. Серебренников. — М., 2005.
10. Учебник японского языка (для начинающих) // Под ред. Головнина И. В. — М., 1971.
11. Чельшева И.И. Старофранцузский язык / И. И. Чельшева // Языки мира. Романские языки. [Под ред. Чельшевой И. И., Нарумова Б. П., Романовой О. И.]. — Москва, 2001. — С. 250—278.
12. Широкова А.В. От латыни к романским языкам / А. В. Широкова. — М., 2005.
13. Borodina M. Phonétique historique du français. Léningrad, 1961.
14. Bourciez E. Précis historique de phonétique française. Paris, 1921.
15. Celata C. Fonetica della palatalizzazione di velari in romanzo. // Quaderni del laboratorio di linguistica. Pisa, 2002. — P. 118—137
16. Collinge N.E. Further laws of Indo-European // On Languages and Language. The Presidential address of the 1991 Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Ed. by W. Werner. Berlin-New York, 1995. — P. 27—52.
17. Collinge N.E. The laws of Indo-European. Amsterdam-Philadelphia, 1985.
18. Fischer S. Rethinking the Tobler-Mussafia Law: Data from Old Catalan. // Diachronica, № 2(20)—2003. — P. 259—288.
19. Le Trésor de la Langue Française informatisé. <http://atilf.atilf.fr/>
20. Vicario F. Lezioni di linguistica friulana. Udine, 2005.